

Гу Чанъань не отдавал:

— Ты же не боишься холода, зачем тебе эта штука?

— Она милая, — Личунь запрыгала на месте. — Дай мне поиграть!

Гу Чанъань щелкнул её по лбу:

— Пожалуйста, прояви сочувствие к больному человеку.

Личунь огляделась по сторонам:

— Где он?

Гу Чанъань собрался чихнуть, и Личунь поспешно натянула шарф себе на лицо.

— ...

Как только подошёл Лу Чэн, Личунь принялась поправлять чёлку, которую растрепал ветер, и ослепительно улыбнулась.

Гу Чанъань хмыкнул:

— Слюни потекли.

Личунь машинально вытерла уголок рта, а поняв, что её обманули, со всей силы наступила ему на ногу.

Гу Чанъань охнул от боли. Чёрт возьми, отвлёкся и не успел увернуться, теперь на ноге точно будет синяк. Эта девчонка только с виду хрупкая, а сил в ней больше, чем в ином взрослом мужике.

Лу Чэн с улыбкой спросил:

— Вы любовники?

Личунь с преувеличенным удивлением воскликнула:

— Да как такое возможно? Я его сестра!

Гу Чанъань не удостоил его ответом.

Однако Лу Чэн не стал закрывать тему и, склонив голову, посмотрел на девушку с причёской каре:

— Совсем не похоже.

Личунь встретила взглядом с его глубокими глазами, в голове всё поплыло, и она выпалила:

— На самом деле я живу уже...

Её пнули по колену, и Личунь пришла в себя. Опасное дело — поддаваться на красивые глазки, чуть не проговорила.

— В общем, Чанъань, я в следующий раз зайду.

Гу Чанъань повернулся к мужчине и холодно произнёс:

— Личунь — моя подруга, она человек простой и доверчивый, не вздумай применять к ней приёмы обольщения.

Лу Чэн сделал невинное лицо:

— Какие приёмы?

Гу Чанъань смотрел, как тот притворяется.

Лу Чэн достал пачку жевательного мармелада, вскрыл её и неторопливо произнёс:

— Для меня в лицах нет понятия красоты или уродства. Есть только три категории: ярко выраженные черты, размытые и полное отсутствие особенностей. Это касается и меня самого.

Гу Чанъань взглянул на его мармелад и сглотнул слюну:

— А я к какой категории отношусь?

Лу Чэн прямо посмотрел в глаза юноше:

— К ярко выраженным. И с каждым разом они проявляются всё чётче.

Гу Чанъань дёрнул бровью, предчувствуя неладное. Он уже хотел попросить пару мармеладок, чтобы жевать и думать, как вдруг заметил у бассейна пакет. Внутри что-то шевелилось — живой толстолобик.

— Откуда рыба?

Лу Чэн ответил:

— Купил на рынке.

Взгляд Гу Чанъаня упал на половинку мармеладки у мужчины во рту:

— У тебя в аквариуме рыба не переводится, зачем ты купил ещё одну?

— Разве? Я не знал, — Лу Чэн доел мармелад и улыбнулся. — Тогда отдам её соседям.

Гу Чанъань вдруг крикнул:

— Постой!

Он широкими шагами подошёл к бассейну, выудил из пакета толстолобика, и из его пухлого брюха донёсся голос:

— Мои туфли потерялись... Мои туфли потерялись...

Это была простая, обычная ложь, но глаза рыбы покраснели до крови.

Гу Чанъань не стал сразу забирать рыбу, а придумал предлог, чтобы спровадить Лу Чэна. Он сказал, что хочет яичный пирог с мясом из лавки Чэня в городке, и спросил, не может ли тот сходить купить?

Предлог был так себе. Почему он сам не может сходить? Ноги же есть.

Надо придумать что-то другое, более разумное и не такое глупое. Подумать только...

Гу Чанъань машинально присел в углу.

Лу Чэн, увидев это, едва заметно дёрнул щекой — у него возникло непреодолимое желание полить его из лейки.

— Чанъань, я отлучусь.

Услышав это, Гу Чанъань поднял глаза на мужчину: ты пришёл как раз вовремя, прямо как подушка для сонного! Какое совпадение.

— Ты, кажется, очень занят.

— Есть немного.

Гу Чанъань скривил губы:

— Разве ты не безработный?

— Семейные дела, — ответил Лу Чэн.

Гу Чанъань несколько секунд пристально смотрел на него, а затем сказал:

— Ну иди, занимайся делами. Уже заморозки, будь осторожнее.

— Чанъань, ты беспокоишься обо мне? — спросил Лу Чэн.

— Ага.

Гу Чанъань лениво поднялся:

— На обратном пути принеси мне печёный батат.

Вспомнив что-то, он подошёл к мужчине и спросил:

— Вкусно?

Лу Чэн поднял руку с мармеладом:

— Ты об этом?

Взгляд Гу Чанъаня уже дал ответ.

Лу Чэн дал ему одну штуку.

Гу Чанъань недовольно покосился: всего одна?

Лу Чэн убрал остатки мармелада в карман, явно не собираясь делиться дальше. Всего одна.

Ну, одна так одна, лучше, чем ничего. Гу Чанъань зажал мармеладку зубами и понемногу начал её есть.

Лу Чэн рассмеялся:

— Это называется жевательный мармелад, это местный деликатес из моих краёв.

Гу Чанъань, жуя, ответил:

— В супермаркетах есть, и в интернете, наверное, тоже.

— Не то. И цвет, и вкус — попробуешь и поймёшь, — Лу Чэн окинул юношу взглядом. — Я пошёл.

Как только Лу Чэн ушёл, Гу Чанъань запер дверь. Он принёс толстолобика в дом, извлёк ложь в бутылёк и заткнул его пробкой.

Гу Чанъань не собирался проверять её прямо сейчас. Энергии от той большой лжи Чжан Вэя, которую он поместил в яму под землёй, хватит на какое-то время. Он хотел отдохнуть, заодно убраться в лавке и открыть её.

Хотя сбережения были, проедать их — не выход, никакой уверенности в завтрашнем дне.

Толстолобика Гу Чанъань отдал соседям — сам он есть его не хотел, да и не умел готовить.

Помимо членов клана Гу, другим тоже удавалось поймать ложь, но шанс был крайне мал. Обычно Гу Чанъань не вылавливал в реке ничего ценного, иногда пытался попытать счастья на рынке, но никогда не ловил ничего крупного. Такое случилось впервые.

Лу Чэн вернулся за полночь, и Гу Чанъань открыл ему с каменным лицом.

— Не мог вернуться пораньше?

— Прости.

Лу Чэн закрыл засов, изо рта шёл пар:

— Может, дашь мне ключ от двери? Тогда не придётся тебя беспокоить, когда я поздно возвращаюсь.

— Хорошо, — ответил Гу Чанъань.

Лу Чэн явно опешил. Казалось, он сказал это просто так, или же проверял границы дозволенного, не ожидая, что тот согласится так легко, даже не моргнув глазом.

Гу Чанъань отвернулся и усмехнулся: без наживки рыба не клюнет.

Как только прояснилось, Гу Чанъань быстро открыл лавку. Лу Чэн никуда не уходил и помогал ему проверять товар на полках, выбрасывая просроченное в коробку.

— Неужели кто-то покупает этот джанк-фуд?

— Полно желающих, — Гу Чанъань пересчитывал монеты. — Разве рис может сравниться со

вкусом закусок с кучей добавок?

Он добавил:

— Ты же сам ешь.

Увидев недоумение на лице мужчины, Гу Чанъань напомнил:

— Мармелад.

— Это не то, — ответил Лу Чэн.

Гу Чанъань ждал продолжения, но Лу Чэн не стал объяснять.

Разве мармелад — не джанк-фуд? Гу Чанъань закатил глаза: издевается, что ли?

Лу Чэн отряхнул руки от пыли и нахмурился:

— Твой магазин вообще приносит доход?

Гу Чанъань смотал скотчем пачку десятикопеечных монет:

— Я открыл его не ради дохода, а чтобы жизнь не была скучной. Деньги — дело наживное, с собой на тот свет их не заберёшь. Главное в жизни — радоваться. Жизнь...

Лу Чэн достал наушники и вставил их в уши.

Гу Чанъань, только что толкнувший пафосную речь, заметил наушники и его глаз дёрнулся.

Чёрт возьми, когда ты строишь из себя важную персону, я ведь всегда слушаю! А тут?

Закинув ногу на прилавок, Гу Чанъань постучал пальцами по столешнице:

— Лу Чэн.

Лу Чэн снял наушник:

— М?

Гу Чанъань с улыбкой спросил:

— Почему ты раньше жил в маленьком храме?

Лу Чэн опустил голову, убирая наушники:

— Храм принадлежит моей семье, как и та гора.

В глазах Гу Чанъаня мелькнуло удивление. Он вырос в этом городке и никогда не слышал, чтобы у той горы был хозяин.

Дело становилось всё интереснее.

Гу Чанъань планировал поработать полмесяца, но ему приснился старик, который в его сне зудел, как Танский монах, и даже вспоминал семейные заветы клана Гу.

Старик пробыл в его сне всю ночь, из-за чего Гу Чанъань проснулся раздражённым, ночью сбросил одеяло и простудился.

В горле пересохло, было больно даже глотать, он не хотел двигаться, только спать.

В полудрёме Гу Чанъань услышал, как кто-то говорит рядом. В бреду он хрипло крикнул:

— Болезнь, уходи, не приставай ко мне.

Голос умолк.

Гу Чанъань не разжал нахмуренных бровей, на щеках горел нездоровый румянец.

На лоб легла прохлада, затем на щёки, на шею. Холод проникал под воротник, и Гу Чанъань мгновенно открыл глаза.

Лу Чэн держал полотенце, его голос звучал участливо:

— Проснулся?

Гу Чанъань поплотнее запахнул воротник. Он молчал, но всем своим видом выражал отторжение, неловкость и даже отвращение.

Лу Чэн посмотрел на покрасневшее лицо юноши и насмешливо произнёс:

— Мы оба мужчины, чего стесняться?

Стесняться чего? Это было просто противно. От мысли о том, что его лицо трогали, ему несколько дней снились кошмары. Гу Чанъань прямо спросил:

— Ты ведь не гей?

Лу Чэн, не раздумывая, ответил:

— Нет.

Гу Чанъань облегчённо выдохнул:

— Я посплю, и простуда пройдёт.

Лу Чэн бросил полотенце в таз:

— Тогда спи дальше.

Гу Чанъань проводил взглядом спину мужчины и закрыл глаза.

Но заснуть он больше не мог.

Ощущение прохлады на теле напоминало ему о том, что этот мужчина его обтирал...

Гу Чанъань перевернулся на живот и стукнулся головой о край кровати: успокойся, просто протёр грудь.

Грудь плоская, ни грамма лишнего, подумаешь, посмотрел, ничего особенного.

Успокоив себя, Гу Чанъань незаметно провалился в сон.

Дверь открылась, вошёл Лу Чэн. Он стоял, засунув руки в карманы брюк, и смотрел на юношу, лежащего на кровати.

Тот выглядел болезненным, слабым, словно от одного дуновения ветра может сломаться, никакой угрозы — как муравей.

Сухие губы Гу Чанъаня зашевелились, он пробормотал во сне:

— Старик, не говори больше, я знаю...

В безэмоциональных глазах Лу Чэна промелькнула жалость, но тут же исчезла.

Два дня спустя Гу Чанъань отправился искать владельца лжи. Ориентируясь на отклик, он вышел к реке и обнаружил цель.

Это был двадцатилетний парень. Он стоял у воды, согнувшись, и что-то искал, разгребая траву палкой и что-то бормоча.

Гу Чанъань подошёл и как бы невзначай спросил:

— Что ты ищешь?

Парень не ответил, продолжая бормотать:

— Мои туфли потерялись... Мои туфли потерялись...

Гу Чанъань указал пальцем:

— А это разве не у тебя на ногах?

Парень продолжал повторять одно и то же.

Гу Чанъань понял: раз это ложь, значит, туфли он не терял, а за этим стоят смерть и убийство.

Он снова посмотрел на парня. Взгляд у того был расфокусирован, он был не в себе, и Гу Чанъань нахмурился.

Внезапно парень впал в неистовство, отбросил палку и начал рыться в траве руками. Глаза его расширились, зрачки вылезли из орбит, лицо исказилось, из горла вырывалось тяжёлое, сбивчивое дыхание, словно у загнанного зверя.

— Где туфли? Где мои туфли? Где они?!

Гу Чанъань наблюдал за выражением лица парня: помимо ярости и отчаяния, в нём был страх.

В этот момент слева раздался старческий голос:

— Чжан Лун, опять туфли ищешь?

Гу Чанъань обернулся:

— Дедушка, что с ним?

Ему не нужно было притворяться: он сам выглядел как хлюпик, хрупкий, не способный поднять ничего тяжелее ложки, готовый в любую минуту упасть в обморок или выплюнуть кровь — ну никак не злодей.

Старик, конечно, не заподозрил неладное и вздохнул:

— Сошёл с ума.

Гу Чанъань поправил очки на переносице: как и ожидалось, сумасшедший.

— С рождения?

— Нет, только на днях. Был нормальный парень, не знаю, что случилось. Перестал торговать обувью, целыми днями бегают к реке искать свои туфли. И твердит одно и то же: потерял, мол, ищет.

Старик добавил:

— Трава тут низкая, никаких туфель тут нет.

— Может, пережил какое-то потрясение? — спросил Гу Чанъань.

— Не знаю, — ответил старик. — Раньше был отличный парень, отзывчивый, ни с кем не враждовал.

— А семья? К врачу не водили?

— Родители Чжан Луна давно развелись, отец в первой половине года умер, осталась только мачеха, ей вообще плевать, — старик покачал головой. — Какое несчастье.

Гу Чанъань получил первичную информацию.

Имя: Чжан Лун, торговец обувью. Родители в разводе, отец умер, есть мачеха, отношения плохие.

Чжан Лун всё бродил у реки, Гу Чанъань не уходил, проследил за ним до дома, узнал, где он живёт, и только тогда вернулся.

В три часа ночи Чжан Лун, который, казалось, крепко спал, вдруг открыл глаза. Он впился зубами в пальцы, дрожа, глаза бешено вращались.

— Где туфли? Я должен найти свои туфли.

Чжан Лун сполз с кровати на четвереньках и пополз из комнаты. В горле у него хрипело, словно тёрли наждачной бумагой, он истошно кричал:

— Где мои туфли... Где мои туфли... Куда они делись?!

Сзади раздался голос:

— Твои туфли здесь.

Чжан Лун обернулся.

Глава 16

На втором этаже слышались шаги. Мачеха Лю Цуйфан, закутанная в толстый халат, спустилась вниз и пнула дверь:

— Посреди ночи, спать не даёшь, чего воешь? Сдохнуть собрался, да?!

Внутри стихло.

Лю Цуйфан, которую разбудили среди ночи, разозлилась, ещё раз пнула дверь и пошла наверх досыпать.

Как только рассвело, в дверь снизу постучали. Лю Цуйфан, ворча, спустилась вниз, но, увидев юношу на пороге, застыла с лицом, выражающим готовность убивать.

Гу Чанъань был в контактных линзах, на голове — изящный парик, кончики волос слегка касались плеч. Он выглядел как творческий человек, от него веяло искусством. Он улыбнулся:

— Здравствуйте, тётя, я друг Чжан Луна.

Огонь, полыхавший в Лю Цуйфан, неведомо куда исчез. Она окинула юношу взглядом:

— Приезжий?

— Да, — ответил Гу Чанъань, перекладывая подарочный пакет из левой руки в правую — жест был красноречивым: я принёс вам подарки.

Лю Цуйфан заметила это и поспешно открыла дверь:

— Проходи, проходи.

Гу Чанъань перешагнул порог.

За грязным двором стоял двухэтажный кирпичный домик, не оштукатуренный, он казался чужеродным пятном на фоне белого снега.

Лю Цуйфан собралась пнуть дверь, но на полпути остановилась, передумала и крикнула:

— Чжан Лун, встал? К тебе друг пришёл.

В доме тишина.

Лю Цуйфан уже была готова начать ругаться, но слева раздался голос:

— Тётя, дверь, кажется, не заперта.

Она дёрнула за ручку — точно, открыто.

Внутри было ещё грязнее, чем снаружи. В нос ударил такой смрад, что перехватило дыхание: повсюду мусор, на полу — лужи мочи, от которых исходил тошнотворный запах.

Чжан Лун лежал на полу в тонкой одежде, глаза закрыты, лицо и губы посинели.

Гу Чанъань отвёл взгляд от Чжан Луна и быстро осмотрел комнату — следов борьбы не было.

Лю Цуйфан подбежала к нему и запричитала, изображая испуг:

— Чжан Лун, что с тобой?

Гу Чанъань присел проверить пульс:

— Просто потерял сознание.

Лю Цуйфан запричитала, хлопая себя по груди:

— Слава богу, слава богу, а то я не знала бы, как смотреть в глаза покойному отцу Чжан Луна.

Взгляд Гу Чанъаня на долю секунды скользнул по лицу женщины — он не пропустил холод и отвращение, скрывающиеся за маской заботы.

Чжан Лун очнулся и бросился на улицу. Лю Цуйфан крикнула вслед:

— Вернись! Ты даже не позавтракал!

Но Чжан Лун уже убежал.

Лю Цуйфан повернулась к юноше:

— Чжан Лун вот уже несколько дней такой.

— Что с ним? — спросил Гу Чанъань.

Версия Лю Цуйфан мало чем отличалась от того, что он слышал от старика: Чжан Лун сошёл с ума внезапно.

Гу Чанъань всегда верил в две вещи: во-первых, у каждого греха есть виновник, во-вторых, если совесть чиста, то и призраки по ночам не придут.

Лю Цуйфан отряхнула пыль с ватника:

— Да, кстати, я не спросила, как тебя зовут?

— Зовите меня Сяо Гу, — улыбнулся Гу Чанъань.

Лицо Лю Цуйфан покрылось морщинами, она тоже улыбнулась и вежливо спросила:

— Сяо Гу, ты ел? Если нет, поешь с нами.

Гу Чанъань ответил, что уже ел.

Посидев немного, он бегло осмотрел гостиную, взгляд задержался на куче обуви в углу:

— Тётя, Чжан Лун правда потерял туфли?

— Потерял пару, — ответила Лю Цуйфан.

— Какую обувь? — небрежно спросил Гу Чанъань.

Лю Цуйфан отхлебнула каши:

— Кроссовки.

Кроссовки? Гу Чанъань пытливно взглянул на неё:

— Их можно найти?

— Не найти, — уверенно сказала Лю Цуйфан.

Поняв, что ляпнула лишнее, она тут же поправилась:

— Я имею в виду, только Чжан Лун знает, где он их потерял. А он сам не в себе, ничего не говорит, никто не знает, что делать.

Гу Чанъань протянул:

— А почему он всё время их ищет? Потеря туфель — не такое уж великое горе.

Лю Цуйфан ответила, что не знает:

— Сошёл с ума на пустом месте, никто не понимает почему.

— Может, сглазили? — нахмурился Гу Чанъань. — Слышал от стариков, что если встретишь нечисть, можно лишиться рассудка, бредить... Ситуация Чжан Луна...

— Бух!

Лю Цуйфан бросила палочки на стол.

Гу Чанъань встал и с извиняющимся видом сказал:

— Тётя, я просто предположил. Если сказал что-то не то, прошу прощения.

Лицо Лю Цуйфан немного смягчилось:

— Живые должны говорить как люди, а мёртвые — как призраки. Не болтай ерунды.

Гу Чанъань кивнул, а про себя усмехнулся: человек перед тобой или призрак — глазами не увидишь, надо содрать кожу.

Вскоре в дом вошёл парень одного возраста с Чжан Луном. Несмотря на заморозки, он был в кожаной куртке нараспашку, под ней — футболка с черепом, на брюках позвякивала массивная цепь. Он шёл, гремя железом, и выглядел весьма развязно.

— Тётя Лю, кто это?

— Друг Чжан Луна, — Лю Цуйфан начала убирать посуду. — Сяо Фэй, пообщайся с ним, а я схожу на огород за овощами.